

Типология вариантов в ойконимии Белорусского Поозерья

В. М. Генкин

Ойконимия, как известно, характеризуется вариативностью в использовании названий тех или иных населенных пунктов. «Предпосылки варьирования, – пишет А.В. Суперанская, – заложены как в самом характере собственных имен (их более слабая, чем у апеллятивов связь с понятием), так и в возможностях языка...» [1, с. 171]. Чаще всего противопоставляются официальный, фиксируемый в письменных источниках и местный варианты одного названия, причем нередко количество местных вариантов исчисляется несколькими единицами. Рассматривать вариативность можно с разных позиций. Очевидно, заслуживает исследовательского внимания вопрос о природе вариативности – явления, характерного для ойконимии различных регионов. «В общей лингвистике и ономастике обычно отмечают инертность собственных имен к изменениям по сравнению с апеллятивами. Но сплошное изучение собственных имен определенных территорий не подтверждает это» [1, с. 188]. По-прежнему недостаточно изученной именно на региональном уровне остается типология вариантов географических названий. В нашем докладе мы намереваемся рассмотреть типы варьирования в ойконимии Белорусского Поозерья.

Согласно «Словарю русской ономастической терминологии», вариантом имени собственного принято называть «видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» [2, с. 43]. Из приведенной дефиниции явствует, что онимическая вариативность может иметь разное проявление.

Лексическое варьирование проявляется в использовании для именованного одного и того же населенного пункта разнокорневых лексем: *Ульягнаўка – Кузбэграк, Гаўрыліна – Габрусёва* (Бешенковичский р-н), *Быстрыёўка – Бадэкі, Сярэдняя Дзяцель – Мужычая Дзяцель* (Дубровенский р-н), *Чанагеўскі – Красіхлаўка, Новы Лад – Страшныя* (Верхнедвинский р-н), *Пятрова – Халягўкі* (Городокский), *Чаранні – Вішнёвая, Пялёнкі – Задвінне, Бардэлі – Іскра* (Витебский) и т.д. Появление лексических аллонимов объясняется несколькими причинами.

Во-первых, вариативность может появляться в результате переименования населенного пункта: *Старая Тухіня → Дарожная, Драчына → Заазёрная, Чартоўчына → Рассвет, Серакаротня → Лучазарнае, Фасоўчына → Малыя Ульянавічы, Папоўка → Чырвонае Сяло*. Отметим, что количество таких вариантов в современной устной речи невелико и с течением времени явно сокращается, что объясняется вполне естественными причинами. Последние переименования датируются, как правило, началом шестидесятых годов ушедшего столетия, и этот факт зафиксировался в памяти лиц, которым сегодня не менее шестидесяти – семидесяти лет. Для более молодых новое, возникшее в результате переименования название является привычным и нередко единственным вариантом именованного населенного пункта. Нетрудно заметить, что чаще всего переименованию подвергались населенные пункты, прежние названия которых воспринимались новыми номинаторами как эстетически или политически неподходящие. Такой подход нередко приводил к появлению топонимических казусов: *Свінное* превращалось в *Першамайск*, *Прапойск* становился *Слаўгарадам*, а *Амерыка*, по верному замечанию В.П. Лемтюговой, стала *Савецкай*.

Во-вторых, встречаются случаи, когда в силу укрупнения населенного пункта и вхождения в его состав другого (других) названия упраздненных деревень или хуторов продолжают существовать, но уже либо в качестве варианта названия большего населенного пункта (*Хізава – Андрукі*), либо в роли названия одного из его районов (частей). Последняя ситуация особенно характерна для активно растущих городов, «поглощающих» соседние населен-

ные пункты. Так, например, в Витебске хорошо известны теперь уже внутригородские названия такого типа: *Білева, Тулава, Ціраспаль, Лужасна* и др. В Гомеле даже в официальное название крупного комбината хлебопродуктов входит адъективом, образованный от названия городского района: *Новобелицкий комбинат*.

В-третьих, ряд аллонимов отражает ситуацию активного русского влияния на белорусскую топонимию. Некоторые из названий белорусских населенных пунктов (в основном появившиеся в советскую эпоху), очевидно, первоначально возникали как русскоязычные: *Восточная, Каўровая, Рамашкі, Рассвет, Красцьянка* и т.п. В начале девяностых годов XX столетия появляются варианты, в первую очередь письменные, типа *Красцьянка – Сялянка, Працоўнае – Трудавы* (как видим, иногда с дополнительными грамматическими различиями) и подобные. Однако желание вернуть топонимам белорусский вид тоже не всегда реализовывалось корректно. Белорусские названия с компонентом *Красны* (в значении *красивый*) пытались записывать по-белорусски как *Чырвоны (Чырвоны Бераг* вместо *Красны Бераг; Чырвонагорка* вместо *Красногорка*), что, естественно, вступало в противоречие с этимологией ойконима. Ярким примером влияния билингвизма на ойконимию также служат колебания в русскоязычной передаче ойконимов: *Новы Лад – Новый Лад, Новый Строй; Новая Вёска – Новая Вёска, Новая Деревня; Новае Жыццё – Новая Жизнь* и т.п.

В-четвертых, отмечаются варианты, появившиеся как результат «переосмысления» названия, попытки его объяснения через призму народной этимологии, например, *Нямойта – Нямойка* (Сенненский р-н).

Фонетическое варьирование представлено несколькими подвидами.

1. В первую очередь следует назвать акцентологические варианты, ибо именно они составляют наибольшую группу «неустойчивых» названий по всем районам: *Арэххаўск – Арахогўск* (Оршанский), *Ствалкогва – Ствоглкава* (Городокский), *Шагхі – Шахіг* (Лёзненский) *Турыцаг – Тугрыца* (Лепельский), *Блажкі – Блажкі* (Мёрский) и др. В среднем доля акцентологических вариантов по районам составляет 60 – 70 % от общего числа варьированных названий. Интересно, что существуют названия, характеризующиеся регулярной акцентологической вариативностью: *Азётркі – Азяркіг, Багбічы – Бабічыг, Двогрышча – Дварыгшча, Дуббраўка – Дуброўка, Забалацце – Забалогце, Забор'е – Забар'е, Загмашиа – Замошиа, Паддуб'е – Поддуб'е, Ягнава – Янова*.

2. Варианты, обусловленные наличием или отсутствием вставного (приставного) согласного: *Казятны – Казьятны, Глыбошчына – Глыбоўшчына, Эйвігдавічы – Эвігдавічы, Ушагнішкі – Вушагнішкі* (Браславский), *Ерамегеўшчына – Верамегеўшчына* (Дубровенский), *Востраўна – Астроўна* (Лепельский), *Угдзела – Вугдзела* (Глубокский) и др.

3. Для устной белорусской речи характерна вставка гласного внутри сочетаний согласных. Последнее обстоятельство отражается в том числе и в топонимии, в частности в наличии таких вариантов, как *Полацк – Полацак, Стары Болецк – Стары Болецак* и др. Показательным фактом устойчивости подобных вариантов является их письменное отражение в словарях Е.Н. Рапановича [3, с. 309 и др.].

3. Твердым или мягким произношением одного из согласных: *Берасцегнава – Берасцегнева* (Оршанский), *Валегйкава – Валэгкава* (Верхнедвинский), *Канчагны – Канчагне, Пруднягны – Пруднягне* (Городокский), *Вэгрды – Вегрды, Дэгуцішкі – Дезуцішкі, Мінэйтты – Мінэйтты, Кандзегрышчына – Кандэгршычына* (Браславский), *Гэгйбавічы – Гегйбавічы, Жардэгли – Жардегли, Жыгугны – Жыгугні* (Поставский), *Мартыгнаўка – Марцігнаўка* (Сенненский), *Платэгчна – Плацегчна* (Докшицкий), *Шагйтаравя – Шагйцерава, Юстыягнава – Юсцягнава* (Верхнедвинский) и т.д. Варианты такого типа чаще всего отмечаются на территории северо-западных районов Витебщины.

4. Отличиями в согласных [ў] // [л], [й] // [л], [ф] // [х]: *Ваўкулагкава – Валкулагкава* (Дубровенский), *Воўкава – Волкава* (Городокский), *Балтрамегеўцы – Баўтрамегеўцы, Войберавічы – Вольберавічы, Федаркіг – Хведаркіг, Трафігмава – Трахігмава* (Докшицкий), *Ніжняе Фаміно – Ніжняе Хаміно* (Верхнедвинский), *Таўпаг – Талпаг* (Лёзненский). В отдельных случаях встречаются замены других согласных: *Ветахмо – Ветахно* (Докшицкий).

5. Особенности произношения ударного гласного: *Альбігнаўка – Альбегнаўка* (Браславский), *Белаазёрны – Белаазерны*, *Студзёнка – Студзенка* (Лепельский), *Паграбенка – Паграбёнка* (Сенненский), *Багушоґва – Багушэґва* (Полоцкий) и т.д.

Наличие фонетических вариантов достаточно часто приводит к разному оформлению тех или иных названий.

Орфографические варианты связаны либо с разной письменной передачей безударного гласного, либо с разным написанием согласного, подвергающегося оглушению: *Кабылі́нцы – Кабыленцы*, *Цілевічы – Цілівічы* (Верхнедвинский), *Залоне́цкія – Залоні́цкія*, *Валентароўішчына – Валентыроўішчына* (Мёрский), *Рэпе́шкі – Рэпі́шкі*, *Дзеткава – Дзедкава*, *Цешылава – Цешлава* (Поставский) и др. В некоторых случаях разницей в написании вступает в противоречие с этимологией названия, как это видно на примере вариантов *Дзеткава – Дзедкава*, что в итоге превращает орфографическое варьирование в фонологическое.

Морфологические варианты отражают, как правило, колебания грамматического рода или числа: *Калатоўкі – Калатоўка* (Оршанский) *Асегцішча – Асегцішчы*, *Кадлубішча – Кадлубішчы*, *Лігнаўкі – Лігнаўка*, *Порплішча – Порплішчы* (Докшицкий), *Расалагі – Расалагі*, *Новая Барсучыгна – Новае Барсучыгна* (Шумилинский), *Салонікі – Салангік*, *Кацельна* (средн. род) – *Кацельна* (жен. род), *Гомель – Гомля* (Полоцкий), *Царкаўлягне – Царкаўлягнне* (Мёрский). Грамматические варианты среди ойконимов адъективного типа чаще всего представляют собой колебания форм среднего и женского рода: *Працоўнае – Працоўная* (Оршанский); *Лясная – Ляснае* (Мёрский). Есть примеры частичного несовпадения вариантов: *Ругскі* (сущ. в форме мн. числа) – *Ругскія* (ойконим в форме прилагательного) (Шумилинский р-н), *Скобрае – Скобра* (Полоцкий), *Ляснічыя – Леснічыг* (Оршанский). Следует также отметить отдельные нерегулярные случаи варьирования, например: *Палевачыг – Палевачэг* (Глубокский).

Обнаруживается небольшая группа вариантов, имеющих колебания в топонимическом термине-индикаторе, входящем в состав топонима: *Марозава Слабодка – Марозава Слабада* (Лепельский).

В ряде случаев грамматически не совпадают официальный и местный варианты географических названий. Первый из них чаще имеет форму среднего рода, тогда как местным более присуща форма множественного числа: *Асегцішча – Асегцішчы*, *Кадлубішча – Кадлубішчы*, *Порплішча – Порплішчы*.

Морфологические аллонимы могут иметь также и разное ударение: *Беразіно г – Бярэґзань*, *Бягоґмль – Бегамля*.

Словообразовательные варианты отличаются суффиксами, при помощи которых оформляются названия: *Хаціглаўцы – Хаціглаўшчына* (Глубокский), *Кананегльчыкі – Кананегльчыцы* (Толочинский), *Астагикавічы – Астагикава*, *Сваташыґцы – Сваташчы* (Дубровенский). Варианты, связанные с различиями в аффиксальном оформлении географических названий, в некоторых случаях могут быть объяснены прежним влиянием польского языка на белорусскую ойконимию. В первую очередь, это проявляется в использовании наряду с восточнославянским формантом – *шчына* его польского эквивалента – *шчызна*: *Галяўшчыґна – Галяўшчыґзна* (Браславский), *Крулеґшчына – Круляўшчыґзна* (Докшицкий), *Слаґшчына – Слаґшчызна* (Мёрский), *Гроцкаўшчына – Гроцкаўшчызна* (Поставский). Такие колебания в первую очередь характерны для северо-западных районов, до 1939 года входивших в состав Польши. Отметим, что ойконимы, образованные при помощи форманта – *шчына*, иногда имеют бессуффиксальные варианты, например, *Крулеґшчына – Круґля*.

Сокращение аффиксов и частичное усечение корневых морфем вообще свойственно диалектной речи. Это, разумеется, отражается и в топонимии: *Варапаґева – Рапаґева* (Поставский), *Астагикавічы – Астагикава* (Дубровенский), *Госмірава – Госьміра* (Сенненский), *Заазеґр’е – Зазеґр’е* (Городокский, Полоцкий, Толочинский).

Словообразовательные варианты нередко имеют также названия, оканчивающиеся на – *полле*, – *поль*: *Франаполле – Франопаль* (Мёрский), *Ружампаль – Ружамполле* (Ушачский) и т.п.

Синтаксическое варьирование, естественно, касается составных топонимов. Чаще всего наблюдается неустойчивость положения атрибутивного компонента: *Вялікае Тхорына –*

Тхарыно Вялікае, Новае Гудава – Гудава Новае, Савіна Малое – Малое Савіна (Дубровенский), *Хутар Дзедзіна – Дзедзіна Хутар* (Мёрский), *Сяльцо-Белае – Белае Сяльцо* (Полоцкий), *Слабодка Гушчынская – Гушчынская Слабодка* (Ушачский) и др.

К синтаксическим аллонимам, очевидно, можно отнести и варианты, отличающиеся количеством структурных компонентов: *Пажагрышча – Фальварак Пажагрышча* (Оршанский), *Новае Дварышча – Новадвогрышча, Новая Вёска – Новая, Заветрскія Хутары – Заветрскія* (Браславский), *Лугтава Сяльцо – Лугтава* (Ушачский), *Саладугхі Пушчавыгя – Саладугхі* (Шумилинский), *Пожанькі Вялікія – Пожанькі* (Мёрский), *Чырвоны Ручай – Ручэй* (Поставский).

Не все топонимические варианты, зафиксированные нами на территории Белорусского Поозерья, однозначно вписываются в изложенную выше классификацию. Встречаются случаи, когда два аллонима отличаются друг от друга по двум-трем позициям: *Чырвоны Ручагй – Ручэй* (Поставский), *Сцяпанікі – Сцепанігшы* (Полоцкий р-н)

Abstract. The paper presents the typology of variants of the formal and local (informal) Belarusian oikonyms. Lexical, phonetic, orthographic, morphological, word-building and syntactical variations of geographical names are shown.

Літаратура

1. Суперанская, А.В. Структура имени собственного (фонология и морфология) / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1969. – 207 с.
2. Подольская, Н.В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 188 с.
3. Рапановіч, Я.Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці / Я.Н. Рапановіч. Рэд. П.П. Шуба. Мн. «Навука і тэхніка», 1977. – 504 с.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступило 06.04.09